

П. Ю. Повалко
Российский университет дружбы народов
(Россия, Москва)
Polina-povalko@gmail.com

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА ДОСТОЕВСКОГО В ЛИТЕРАТУРЕ ПОСТМОДЕРНА: ФИГУРА ФМД В ПРОСТРАНСТВЕ ТЕКСТОВ В. СОРОКИНА

Русская классика остается базисом, источником, из которого интертекстуальная постмодернистская литература черпает образы, сюжеты, мотивы. Круг авторов, формирующих «центр интертекстуального излучения» [Фатеева 2012: 34–35] современных художественных текстов, не так уж широк. Чаще всего это хрестоматийные писатели, творчество, биография, идеи которых составляют общее культурное пространство русскоговорящего читателя.

Художественной рецепции подвергаются не только тексты, персонажи, сюжеты, прецедентные феномены классической литературы, но и образы писателей, их жизненные линии, точки биографии. В этом случае мы можем говорить о прецедентных личностях, которые «представляют собой ментальные образования, закрепленные в сознании носителя языка в виде образов, знаний, оценок и являющиеся объектами постоянной рефлексии со стороны членов социума, т. е. образуют лингвокультурные концепты» [Черноморец 2010: 5].

В данной работе рассматривается прецедентная личность, или концепт Достоевского, реализуемый в пространстве текстов В. Сорокина. В качестве материала выбраны романы «Манарага», «Голубое сало», пьеса «Dostoevsky-trip». В перечисленных произведениях главный русский постмодернист В. Сорокин последовательно пытается осмыслить место литературы и литераторов в современном мире, исследует изменяющуюся ценность книг и писателей, «ценности литературоцентризма и жертвоприношение» [Липовецкий 2018: 638].

Рассматривая Достоевского в кругу других писателей и отдельно, Сорокин обращается к коду Достоевского, подвергает детальному анализу этот «как бы сгусток культуры в сознании человека» (Ю.С. Степанов).

Пьеса В. Сорокина «Dostoevsky-trip» актуализирует идею чтения как предельного удовольствия: все произведения литературы признаны наркотиком, их употребление – «чтение» – вызывает схожие с приемом наркотических веществ последствия. Герои ожидают малоизвестного наркотика под названием «Достоевский»: *Классная вещь. Одна из последних разработок. И выход легкий: через Гамсуна.*

Вынося в название слово «trip» (галлюциногенный опыт человека, принявшего наркотические средства), Сорокин предлагает этот опыт и героям, и читателю, приглашает их совершить путешествие-галлюцинацию по пространству Достоевского.

По сюжету семеро героев совершают наркотический «трип» – *проваливаются в пространство романа Достоевского «Идиот», на выходе из которого обмениваются историями из жизни, о травме или омерзительном, стыдном поступке, осмысление которого влечет за собой летальный исход: Достоевский в чистом виде действует смертельно.*

В романе «Манарага» В. Сорокин буквализирует метафору потребления литературы: в ближайшем будущем книги «читают», готовя на горящих фойяжах блюда для тонких ценителей. Здесь образ Достоевского и его текстов эксплицируется через то или иное выбираемое блюдо – дорогие деликатесы: шашлык из осетрины на прижизненном издании «Идиота» и мраморный стейк на «Подростке».

«Идиот» встраивается для автора в синонимическую цепочку «русскости» в представлении носителей иной культуры. Достоевский и некоторые деликатесы составляют единый ассоциативный ряд *русского меню: икра, водка, pirozhki + ... осетрина на Достоевском.* Идея самого русского из классических, самого классического из русских концептуализируется на языковом уровне клишированными фразами *полноценный роман, оч-ч-ч-чень правильная классика* и др.

В «Голубом сале» достигает предельного выражения пиетет Сорокина перед литературой. Голубое сало – чудесное вещество, которое позволяет *решить проблему вечной энергии.* Вещество это производят созданные учеными-футурологами клоны великих писателей, *тех, кто записывал свои фантазии на бумаге,* среди которых и Достоевский.

Достоевский – аппарат по производству голубого сала утрачивает любые узнаваемые черты великого писателя. Связь с личностью-претекстом реализуется исключительно на уровне номинации *Достоевский-2* и цитатно-пародийном тексте-стилизации, написанном от имени клона. Сорокин проводит предельное сворачивание информации о Достоевском в ярлык, который обладает потенциалом голограммы: в малой части представлено целое. И автор рассчитывает на то, что читатель будет способен развернуть этот ярлык в полновесный образ так широко, как дано именно ему.

Таким образом, креативной рецепции в пространстве текстов Сорокина подвергаются не только (и не столько) хрестоматийные тексты писателя, но и – весь набор тонких ассоциативных нитей, аллюзий, связей, которые формируют в сознании читателя смысловое поле (концепт), носящее название «Достоевский».

Литература

Липовецкий М. Автопортрет художника с грилем: «Манарага» и литературоцентризм // «Это просто буквы на бумаге...» В. Сорокин: после литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 634–648.

Фатеева Н.А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012.

Черноморец М.В. Лингвокультурные концепты германских канцлеров.
Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2010.